

О. Е. Афанасьев, А. В. Троценко

**КАТЕГОРИЯ «ЛЕГЕНДАРНЫЙ ГОРОД» И ЕЕ ФУНКЦИИ
ДЛЯ ГЕОИСТОРИЧЕСКОГО РЕГИОНА
(НА ПРИМЕРЕ ДНЕПРОВСКОГО НАДПОРОЖЬЯ)**

Современный ландшафт в географии давно перестал быть просто территорией, превратившись в сложную систему пространственно-смысловых значений. В этом ракурсе в объект географических исследований входят мифические, легендарные географические объекты как сложные пространственно-ментальные системы, основанные на представлениях людей о территориях, на образах мест. Особое место в этих системах занимают «легендарные города» — известные из тех или иных исторических источников населенные пункты, которые на сегодняшний день не локализованы достоверно в пространстве. С ними, как правило, связан огромный информационно-семиотический пласт, являющийся неотъемлемой частью духовной культуры народа. Огромное духовное, сакральное значение для целой плеяды народов и этносов, в те или иные столетия населявших степное пространство Восточной Европы, имел геоисторический регион «Днепровское Надпорожье». И одним из составляющих исторического процесса его освоения и развития стало формирование целого комплекса ментально-семиотических систем («легендарных пространств»). Рассмотрение классификационных характеристик и разновидностей таких пространств как объектов региональной культурной и гуманитарной географии с их иллюстрацией на примере геоисторического региона Днепровское Надпорожье, является целью данной статьи.

**«Легендарный ландшафт» как объект
культурной географии**

Легендарные и мифические ландшафты долгое время являлись объектом изучения культурологии, фольклористики и литературы, истории, иногда даже географы и археологи находили считавшиеся легендарными города и даже страны. Однако на современном этапе развития научной географической мысли понятие «легендарный ландшафт» приобретает совершенно новые значения и трактовки. Сегодня легендарный ландшафт лежит в поле зрения культурной и гуманитарной географии. Это обусловлено, прежде всего, тем, что, с одной стороны, он представляет собой часть духовной нематериальной культуры,

выполняя сакральные функции (в этом случае он попадает в поле зрения сакральной географии и географии культуры, а также этнографии и фольклористики), а с другой — «легендарный ландшафт» — это квинтэссенция пространственных представлений, образов и символических систем людей разных исторических эпох.

Сегодня появилось еще одно концептуальное направление гуманитарной географии — мифологическая или мифогеография [4, 8, 9], в центре внимания которой находится «множество представлений о ландшафте, анализируемых и синтезируемых в качестве пространственных локальных мифов» [8]. В частности, опираясь на понимание мифологического пространства И-Фу Туана [12], один из основоположников мифогеографии И.И. Митин определяет объектом мифогеографии территориально-культурные системы, состоящие из совокупности артефактов и ментифактов, представленных в ландшафте. То есть, территориально-культурная система включает в себя не только (и не столько) территорию, но и представления о ней и ее характеристики, называемые исследователями «пространственным мифом» [8].

В таком случае «легендарный ландшафт» подпадает под категорию территориально-культурной системы. Но с другой стороны, главная особенность легендарного пространства заключается в том, что оно и до сих пор не имеет точной территориальной привязки, а потому очень условно может считаться территориальной системой. Скорее всего, здесь уместнее говорить о ментально-семиотической системе, имеющей в своей основе представления о ландшафте и придающей существующим в общественной ментальности территориям конкретные «географические» черты, характеристики, сакрально-символические значения и смыслы. Однако при этом существует тесная ассоциативная связь ментально-семиотической и территориально-культурной систем. Это выражается в том, что «легендарный ландшафт» создается путем наложения мифологического пространства на материально-духовную основу (территорию, материальную и нематериальную культуру, а также представления о территории на основе имеющихся знаний). В результате образуется два вида «легендарных пространств», или ментально-семиотических систем: *аллегорическая система* (когда человеческие представления, взаимоотношения, стремления переносятся на ландшафт, и формируется «легендарное пространство», т.е. своеобразное «одушевление» реального пространства, как, например, гора Олимп, на которой жили древнегреческие боги), и *мифо-символическая система* (ментальные пространства, на которые без точной географической привязки но с учетом природных и социокультурных условий интерполируются общественные представления об отдаленных территориях). Можно выде-

лить множество подкатегорий обозначенных систем, однако реальная географическая основа в той или иной мере присутствует в каждом из видов «легендарных ландшафтов».

Место «легендарных городов» в структуре «легендарных пространств»

Науке известно немало примеров населенных пунктов и территорий, о которых упоминается в тех или иных исторических источниках, но их локализация на местности остается в разряде вероятностных предположений. Большая часть подобных *«легендарных пространств»* остаются в разряде «преданий истории», но иногда ученым в результате многолетних и кропотливых изысканий, все же, удается отыскать материальные свидетельства их существования на местности. Так, среди известных науке *мегахоронимов* (названий крупных регионов, территорий, местностей), до сих пор не локализованных в пространстве (категория *«мифических стран»*), продолжают числиться Атлантида, Гиперборея, Лемурия, Шамбала, Офир, Эльдorado, Пунт, Туле, Таршиш (Фарсис) и др. В привязке к территории России и сопредельных стран СНГ упоминаются *легендарные местности* Лукоморье, Белозерье, Гилея, Гиперборея, страна Амазонок, Земля Санникова, остров Руссов и т.д. Практически все подобные «мифические страны» уже давно прочно «прописались» в качестве литературных образов, художественных, театральных, музыкальных, телевизионных мифологем, в изобразительном искусстве и даже материализовались в названиях различного рода организаций и изданий. У некоторых из этих хоронимов имеются конкретные авторы (например, из трудов Платона известна Атлантида, Геродот описал Гилею, о стране Офир упоминается в Библии, Ф. Склейтег выдвинул идею о Лемурии), другие упоминаются в не имеющих автора древних документах или легендах и преданиях, пересказах и мифах, а третьи так и вовсе относятся к категории «вымышленных». Но имеют место примеры и обратного рода, когда долгое время пребывавший в категории предполагаемых или мифических подобный хороним обретал конкретную прописку на карте мира (например, «Terra Australis Incognita», позже материализовавшийся в Антарктиду).

Однако куда более многочисленной, сложной и поливариативной является категория объектов, которые следует называть *«легендарными городами»*, т.е. исторически известные, упоминаемые в тех или иных первоисточниках, но достоверно не локализованные и не идентифицированные на местности. Если сравнивать вероятность идентификации в конкретном геопространстве объекты двух названных категорий («легендарные местно-

сти» и «легендарные города»), то значительно большей вероятностью перейти в категорию достоверно идентифицированных имеют, конечно же, города. Так, к числу найденных и локализованных на местности «легендарных городов» относятся Херсонес (1827 г.), Карфаген (1858 г.), Троя (1873 г.), Кносс (1900 г.), Хедебю (1930 г.), Сокхоф (1967 г.), Дварка (1979 г.), Юмна (1990 г.), Итиль (2008 г.), и др. Но и сегодня целый ряд исторически засвидетельствованных городов продолжают оставаться в категории «легендарных». Их место в общественном историческом сознании характеризуется континуитетностью, знание о них может иметь устойчивый характер и быть широко известным, но чаще пребывает в категории известности лишь достаточно узкому кругу специалистов (как правило, историкам, историко-географам, этнографам). Тем не менее, в любом случае попытки их пространственной идентификации (имплицитные или эксплицитные) не прекращаются. Для культурной географии «легендарные города» могут составлять один из интереснейших объектов исследования, т.к. концентрируют на себе множество информационных каналов, являются объектами палеогеографических реконструкций геокультурных условий прошлого, отражают накопленные столетиями научные знания (особенно в результате их целенаправленных поисков), довольно часто являются составляющими и народного фольклора и т.д. Таким образом, «легендарные города» являются своеобразными ментально-информационными «сгустками», репрезентирующими в самом обобщенном виде комплекс историко-географических сведений о регионе, процессах этногенеза, этапах природопользования, в целом — процессе формирования локального компонента антропосферы (т.е. конкретной геоисторической территориальной общности – геоисторического региона).

Особого внимания культурной географии требует важнейший компонент рассматриваемого объекта — его легендарная основа. Вследствие отсутствия достоверной территориальной идентификации конкретного «легендарного города», вокруг него может формироваться комплекс прозаической фольклорной информации — легенды, мифы, предания, пересказы и т.п. о происходивших «в незапамятные времена» событиях, главными героями в которых выступают мифические и/или реальные личности и даже целые народы.

Исходя из обозначенных характеристик, можно определить *«легендарный город»* как *упоминаемое в исторических источниках поселение, имеющее торгово-ремесленную и военную специализацию, сыгравшее исключительную роль в мировой истории, и вошедшее в историческую память в виде эпического предания (легенды или былины), однако до настоящего момента не локализованное и не подтвержденное историческими артефактами, современными ему.*

Проблема информационной достоверности «легендарных пространств»

Все ментальное пространство человечества можно условно разделить на три крупных блока: знаемая, незнаемая и воображаемая. Граница между пространствами незнаемым и воображаемым очень размыта, и может сильно варьировать в зависимости от каждого конкретного примера. Незнаемые пространства могут успешно переходить в ментальном восприятии в категорию «знаемых» (вследствие географических открытий или фундаментальных исследований), или наоборот — становиться воображаемыми, как например, Шамбала, Эльдорадо или Лемурия. Однако есть среди воображаемых пространств две очень специфические подкатегории — «мифо-религиозные пространства», не связанные с реальным пространством и лежащие ментально в надматериальной среде, и «изначально воображаемые» — это литературные образы, утопии и политические мифо-территории (например, представление о Стране Пресвитера Иоанна, которое служило предпосылкой для крестовых походов).

Процесс формирования мифологической составляющей пространства проходит двумя путями.

Первый путь — естественный — основан на когнитивно-психологических основах сознания человека и приводит к обожествлению, одушевлению отдельных составляющих природы, идеализации отдаленных территорий, упрощению реальности в объяснении сложных процессов, и таким образом, к формированию неизвестных и воображаемых пространств. Также в процессе естественного процесса познания территории могут переходить из одних ментальных групп в другие.

Второй путь основан на искусственном искажении ментального пространства. Это всевозможные политические, экономические, социо-культурные процессы, приводящие к мифологизации известного пространства для достижения какой-либо конкретной цели.

В результате развития отмеченных процессов можно условно выделить группы «легендарных пространств», располагаемых последовательно от вымышленных до реальных, переосмысляемых в зависимости от полноты и достоверности информационных источников и общей предполагаемой реальности их существования (рис. 1).

Рис. 1 – Разновидности и степень достоверности «легендарных пространств» (с примерами из геоисторического региона «Днепровское Надпорожье»)

Функции «легендарных городов» для геоисторических регионов

«Легендарные пространства», как правило, не возникали на пустом месте. Информация о них всегда соотносилась с конкретной частью света, и историческими областями. Так, Геродот поместил Гиперборею на север Скифии не случайно, а в результате идеализации древними греками северных варваров, «противоположных» им по географическому положению и предполагаемому укладу жизни. То есть, даже изначально, с первого упоминания легендарной страны, она располагалась в конкретном геоисторическом регионе (идентифицировалась с ним), не имея при этом конкретной территориальной привязки. Потому отсюда вытекает ряд функций, которые играли и продолжают играть легендарные города.

1) Идентификационная — функция, основанная на отображении представлений о геоисторическом регионе (или его части) в цивилизованном мире в прошлые исторические

эпохи. Так, например, благодаря информации о Савромаре – городе Амазонок, мы знаем представления древних греков о всем регионе современной Центральной Украины в целом, а Данпарштадт, отображенный в римских хрониках, дает некоторое представление о Среднем Приднепровье и черняховской культуре, отождествляемой современными археологами с готами.

2) Воспитательная функция обусловлена тем, что изначально «легендарные города» были определенным образцом поведения (хорошего или плохого) и политического устройства. Поэтому служили определенным «воспитательным фактором». Сегодня эта функция несколько трансформировалась и факт предполагаемого существования легендарного города скорее воспитывает патриотизм и уважение у современных поколений к своей территории.

3) Когнитивно-гносеологическая функция «легендарных городов» заключается в первую очередь в содержательной привлекательности связанных с ними «легенд», преданий и мифов, накопленных за многие столетия. Это может служить основой для существования целой индустрии по удовлетворению познавательного интереса любых граждан – как жителей самого региона, так и его гостей (часто разрабатываются специальные экспозиции в музеях, создаются реальные и виртуальные экскурсионные маршруты, упоминаются в путеводителях для придания некоей загадочности и «удревнения истории» и т.п.).

4) Аттрактивная (или аттрактивно-туристическая) функция выходит из того, что даже мифы сегодня являются туристическим ресурсом. Часто легендарные города и местности, мифические личности и события привлекают туристов больше, чем реальные памятники истории и культуры. Так, можно отметить Лукоморье в Самаре, гору Олимп в Греции, «Замок Дракулы» в Румынии и др.

5) Политико-идеологическая функция очень специфична и заключается в том, что информация о легендарных городах и странах становится механизмом влияния на общественность. К примеру, легенды об атлантах легли в основу нацистской доктрины, Гиперборея объединяет неоязычников, Старая Самара позволяет «удревнять» город Екатеринослав-Днепропетровск и возводить его корни к казацкой эпохе, нивелируя тем самым «русский след» в истории Юго-Восточной Украины.

Можно выделять и другие функции, которые сегодня может выполнять категория «легендарного города». Но важнейшими из них, как представляется, являются выше перечисленные. Также важен вопрос методологического определения категории «легендарный город», его признаков и свойств. В частности, о «легендарности» того или иного города свидетельствуют такие признаки, как: 1) высокая степень достоверности первоисточника,

где упоминается город впервые; 2) отражение в мифологическом пласте разных народов; 3) неподтверждаемость материальными свидетельствами; 4) не локализованный с точностью, отсутствие точной географической привязки; 5) неотображаемость (или недостоверность и поливариативность локализации) в картографических источниках; 6) устойчивость в исторической памяти; 7) наделение поселения последующими поколениями высокой исторической значимостью. Данная совокупность факторов позволяет в целом безошибочно определять «легендарные города» в любом геоисторическом пространстве. То есть, «легендарный город» — это мифологическая часть пространства, которая на текущий момент не имеет реальной материальной основы или подтверждения. Однако гипотетически она может быть найдена археологическим путем.

Важными свойствами легендарного города являются его историческая значимость в прошлом и, как следствие, устойчивая фиксация в исторической памяти. Так, например, известно, что якобы именно легендарный город Эскампей — священный центр Скифской империи, стал местом проведения первой в истории человечества переписи населения, а город Савромара, якобы, был основан осевшими в степях амазонками, которые побороли греков, и завоевали скифов. Легендарный Пересечень, находившийся на пересечении важнейших водных и сухопутных путей, долгие годы выдерживал осаду киевских князей, а из готского Данпарштадта, наоборот, совершались сокрушительные набеги готов на Рим.

Следует отметить, что практически всегда история любого «легендарного города» обрастает неправдоподобными подробностями и становится достоянием народного фольклора, поэтому подобные геоисторикокультурологические объекты являются неотъемлемой частью мифологического пласта разных народов. При этом историческая значимость «легендарного города» также объясняется и достоверностью источников, в которых он впервые упоминается. Так, например, Эскампей описан Геродотом, а Пересечень неоднократно упоминается в славянских летописях. Однако сегодня ни один из этих «легендарных городов» не имеет материального подтверждения — нет ни точной географической привязки, ни археологических свидетельств и исторических артефактов, которые бы позволили с точностью определить их местонахождение, получить достоверные сведения об особенностях их развития. К тому же, ни один из них не нашел своего отображения ни в одном картографическом источнике.

Легендарные города Днепроовского Надпорожья

Геоисторический регион «Днепровское Надпорожье» территориально охватывает пространство вдоль среднего течения Днепра, включая современный город Днепропетровск и ниже по течению реки вплоть до острова Хортица. Иногда в него также включают территорию бывшего Великого Луга (ныне затоплен водами Каховского водохранилища) [1]. Указанный регион характеризуется древнейшими формами природопользования, в частности, доказано существование целого ряда поселений древнего человека, начиная со времен раннего палеолита. С тех пор человеческая жизнь (а значит и природопользования) на берегу Днепра не прекращалась. Для этой провинции были присущи все известные исторические формы природопользования, а также процессы их эволюционной трансформации. Особенности поселений и самих людей, обитавших в Днепровском Надпорожье, обуславливались природной средой: Днепровские пороги издавна привлекали людей тем, что даже зимой не покрывались льдом и давали пищу в наиболее голодные сезоны года. Они перекрывали свободный путь по Днепру, здесь возникали переправы и создавался своеобразный узел — перекресток дорог, ставший важным фактором формирования сети населенных пунктов. Пути и переправы через Днепр соединялись с путями и переправами через реки Самару и Суру. При впадении Самары и Суры в Днепр на обоих берегах этих рек были древние поселения [6]. Переправы через Днепр и Самару в местности, где расположен современный Днепропетровск, были налажены еще в IV тыс. до н.э. [5]. Вследствие данных особенностей местности к территории геоисторического региона «Днепровское Надпорожье» некоторыми исследователями привязываются ряд «легендарных городов», свидетельства о которых дошли до нас в отдельных древних документах.

К. Птолемей еще во II в. указывал ряд знаковых поселений на Днепре, в т.ч. *Азагарий* — укрепленный город возле первого порога Днепра, который был центром контроля путей к Черному морю, а также с моря на север и запад. Б.А. Рыбаков считает, что Азагарий — это, возможно, обнаруженное археологами укрепленное поселение в с. Башмачка [10]. Но этот вывод больше касается не Башмачанского поселения, а местности ниже устья р. Самары, где действительно начинались пороги [2].

К устью Самары также привязывают легендарный город *Амадоку* — столицу племени «амадоков-плотогонов», о которых писал Птолемей во II в. Если плоты гнали через пороги, то и Амадока могла располагаться у первого (Кодакского) порога. Сюда пригоняли плоты с севера, со стороны самарских сосновых боров [2].

Историк Екатеринославской епархии Ф. Макаревский утверждает, что в устье Самары находился и сарматский город *Савромара* [7]. После многих событий, в течение долгих

времен пребывания в Восточной Европе, сарматы, как пишет Ф. Макаревский, «... в начале VII в. нашей эры остановились, наконец, около Днѣпра ... главное городище их было недалеко отъ Днѣпра — Савромара, въ просторѣчи называвшаяся — Самарою при рѣкѣ того же имени» [7, с. 38]. Однако остается загадкой, откуда вообще мог знать о Савромаре сам Ф. Макаревский. Исследователь истории сарматов К. Ф. Смирнов на основании археологических данных разработал карту сарматских памятников раннего периода (I – III тыс. до н.э.). Для местности в низине реки Самары они показаны вблизи города Подгородное, сел Соколово, Спасское, Верхняя Маевка, Булаховка. Также одиночные захоронения сарматов вскрыты в левобережной части современного Днепропетровска [2]. Поэтому сарматский город Савромара, вполне возможно, мог располагаться на левом берегу Днепра в устье Самары.

По легенде, рассказанной Геродотом, сарматы произошли от племени загадочных амазонок. Воинственное женское племя, обитавшее в Причерноморских степях, порождало многочисленные слухи и мифы в античном мире. В Древней Элладе рассказывали, что амазонки выжигали себе правую грудь, чтобы было легче стрелять из лука и скакать на лошади. По легенде, социальное устройство Савромары было воплощением феминистских утопий: женщины правят, воюют, охотятся, а мужчины ведут домашнее хозяйство. Более того, воительницы не отказывали себе в женских слабостях — они охотно пользовались украшениями, парфюмерией, носили красивую одежду, следили за своей красотой [11].

В скандинавских сагах упоминается страна Рейдголанд и ее столица *Данпарштадт*, что в переводе означает «Днепровский город», построенный, по преданиям, в виде каменной крепости, в третьей четверти IV в. на месте сожженного славянского укрепления у порогов [10, 11].

В. В. Бинкевич и В. Ф. Камеко высказывают гипотезу относительно государственного образования уличей Артании (VII – VIII вв.) и местоположении ее столицы *Арты*. Связывая результаты анализа источников с многочисленными достопримечательностями Надпорожья, авторы утверждают: «Столица уличей-русов Арта, возможно, располагалась на Княжем острове и на поселениях в районе переправ через Днепр и Самару. Это могло быть древнее поселение и местонахождение племенного объединения («княжение») уличей» [2, с. 124].

В 922 г. в летописях упоминается главный город уличей — *Пересечень* [2]. Есть основания полагать, что летописный Пересечень имел последовательно несколько различных мест расположения, и одно из них находилось в пределах современного Днепропетровска. Б. А. Рыбаков считал, что улический город Пересечень должен был находиться на

Днепре южнее Киева. В связи с этим внимание исследователей привлекают остатки большого славянского поселения, которое существовало на песчаных холмах Игреньского полуострова вблизи устья Самары. Если это и не был летописный Пересечень, Игреньское поселение заслуживает на статус города [5]. В 940 г. после трехлетней осады варяжский воевода Свенельд захватил и уничтожил город-столицу уличей Пересечень. На его месте возник «Город русов», в котором селились воины Свенельда, переселялись люди из Киевской земли, а также оставались местные жители, которые хорошо знали здешние места и владели навыками переправ. Здесь появилось ремесленничество, велась торговля, была построена церковь. Город этот, якобы, разрушили татаро-монголы в нач. XIII в. [2].

Существует мнение, что так называемый «Город русов» назывался *Немоградом* (*Новгородом*). Император Византии К. Багрянородный утверждал, что русы плывут для торговли в Византию с двух мест: «Одни из Немограда [Новгорода], в котором сидел Сфендослав [Святослав], ... а другие из крепости Милински [Смоленска], из Телиуци [Любеча], Чернигоги [Чернигова] и из Вусеграда [Вышгорода]» [3]. Общепринята интерпретация топонима Немоград как Новгорода Великого. Но еще в 1924 г. В.А. Пархоменко утверждал, что Немоград — это иной город, который расположен южнее. В. В. Бинкевич и В. Ф. Камеко предполагают, что Новгородом называли во времена К. Багрянородного (948–952 гг.) город, расположенный перед первым порогом Днепра на Игреньском полуострове [2].

Еще одним доводом в пользу расположения древнего города уличей Пересеченя в пределах современного Днепропетровска, является издавна известный характерный признак этой местности — «пересечение путей», что могло дать название городу во времена «летописных» уличей. Главными путями того времени, упоминаемыми в летописях, были Греческий, Соленый, Железный. Согласно этимологическому словарю летописных географических названий Южной Руси, «Греческий путь» — «вниз по Днепру в Греческую землю», «Соленый» — «Днепром, Самарой, Волчьими Водами, ... до Перекопа, к соленым озерам Крыма», «Железный путь» — «по Левобережью Днепра вниз до моря» [2].

Таким образом, по некоторым гипотезам, на территории Днепровского Надпорожья еще с древних времен существовали поселения и главные города племен, которые сегодня с полным основанием можно относить к категории «легендарные города». Это обуславливалось, прежде всего, природными условиями местности, которые требовали и способствовали постоянному пребыванию здесь населения. Город, который бы здесь возник, был бы центральным для значительного региона, т.к. имел бы самое выгодное стратегическое значение и положение. В результате этого, под действием внешних сил, относительно

устойчиво развивающееся поселение постоянно подвергалось бы изменениям и перестраивалось, но жизнь в нем бы не прерывалась. Поэтому вполне вероятно, что непрерывное эволюционное развитие с необходимыми перестройками происходило здесь со времен Великого переселения народов, в эпоху казачества, и далее продолжилось в Екатеринославе и современном Днепрпетровске.

Таким образом, под «легендарными городами» следует понимать исторически известные, упоминаемые в тех или иных первоисточниках, но достоверно не локализованные и не идентифицированные на местности населенные пункты, обладавшие исключительной значимостью в прошлом и, как следствие, получившие устойчивую фиксацию в исторической памяти населения. Регион Днепровского Надпорожья обладает целой «плеядой» таких ментально-семиотических систем, трудно поддаваемых четкой и конкретной локализации в пространстве. Но при этом уже сегодня «легендарные города» способны выполнять целый ряд функций и ярко позиционировать геоисторический регион с различных позиций. Обозначенная в статье проблематика заслуживает на отдельное комплексное рассмотрение с методологических подходов культурной и гуманитарной географии.

Список литературы и источников

1. Афанасьев О.Є. Историко-географічний аналіз регіонального природокористування: теорія, методологія, практика: Монографія. — Тернопіль: Видавництво «Крок», 2012. — 550 с.
2. Бінкевич В. В. «...Град ім'ям Пересічень»: Краєзнавчі нариси про пам'ятки Надпорожжя / В.В. Бінкевич, В. Ф. Камеко. — Д.: Пороги, 2008. — 344 с.
3. Грушевський М.С. Історія України-Руси. У 10-ти т. — Львів-Київ, 1907. Т. 6. — X, 670 с.; 1909. Т. 7. — X, 628 с.
4. Замятин Д. Н. Гуманитарная география [Материалы к словарю гуманитарной географии] / Гуманитарная география. Вып. 2. — М.: Ин-т наследия, 2005 — С. 332-334.
5. Історія міста Дніпропетровська / [За наук. ред. А.Г. Болебруха]. — Д.: Грані, 2006. — 596 с.
6. Кабузан В. М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII – первой пол. XIX в. (1719–1858 гг.). — М.: Наука, 1976. — 307 с.
7. Макаревський А.Г. (о. Феодосій). Матеріали для історико-статистического описання Екатеринославської єпархії: Церкви и приходы прошедшаго XVIII столѣтія. — Екатеринославъ: Тип. Я. М. Чауссаго, 1880. — 1080 с.

8. Митин И.И. Мифогеография: пространственные мифы и множественные реальности // *Communitas*. 2005. №2. — С. 12-25.
9. Митин И.И. Мифогеография [Материалы к словарю гуманитарной географии] / Гуманитарная география. Вып. 2. — М.: Ин-т наследия, 2005. — С. 347-348.
10. Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. — М.: Наука, 1989. — 546 с.
11. Троценко А.В. Легенды города Святой Екатерины. — Тернополь: Изд-во «Крок», 2012. — 324 с.
12. Tuan Yi-Fu. Humanistic geography // *Annals of the Association of American Geographers*. 1976. Vol. 66. № 2. — P. 266-276.

С.Н. Третьякова

АРХАНГЕЛЬСК. ГОРОД НА КРАЮ ЕВРОПЫ

Любой исторический город несет в себе те или иные следы своего прошлого. Это памятные места, архитектурные сооружения, старые названия и т.п. Но это могут быть и культурные коды, знаки, символы, образы. Н.П. Анциферов главным в понимании города считал познание его «души» на основе единства его исторического развития, природы, архитектурного пейзажа, духовной жизни. Душу города можно почувствовать через его «запахи, звуки, краски, формы, игру света и тени, пространство» [1]. Признаем ограниченность восприятия города как «цельного культурно-исторического организма» иностранными посетителями, но одновременно это и «свежий» взгляд со стороны, подмечающий главное и необычное. Поэтому наблюдения иностранцев, несмотря на свойственные им недостатки, позволяют создать *образ(ы)* города.

Значительное число описаний дореволюционного Архангельска принадлежит перу английских авторов. В результате экспедиции Уоллоби-Ченслера 1553 г., когда англичане появились в Белом море, были установлены дипломатические и торговые отношения между Москвой и Лондоном. Поэтому Архангельск для англичан был особым городом и те из них, кто прибывал сюда в XIX – начале XX вв., имели определенное представление об истории города. Журналист У. Диксон утверждал, что «порт и город Архангельск обязан своим рождением английской авантюре, а процветанием – английской торговле». А свя-